

Начало

В истории государств и народов порой случается нечто такое, что принято называть эпохальным событием, отправной точкой развития нации и государства. Это то, что оказывает дальнейшее влияние не только на ход исторического развития, но и на все сферы общественной жизни. В том числе и на развитие таможенных отношений. Ярчайшим из таких событий является христианизация Руси. И, если есть такие люди, которые считают, что современная история «таможни» берет начало от перемен, связанных с изменением общественно-политической формации, произошедшей на наших глазах, – либо люди просто некомпетентные, либо... заблуждаются.

Александр Матвеев

ИЗНАЧАЛЬНОЕ

Многие исследователи до сих пор спорят, в каком именно году произошло крещение Руси. Скажем, «Сказание о святых Борисе и Глебе» приводит год крещения, как 987-й. На уроках в гимназиях царской России священники рассказывали о том, что данное событие произошло в 989-м году. А «Повесть временных лет» датирует крещение Руси годом 988-м. Последняя дата обычно и считается наиболее точной. Согласимся с летописцем Нестором, тем более, что предмет нашего интереса не сама хронология.

Отстоящий от нас на тысячелетие относительно короткий, но важный период, когда Русь широко и полноправно входила в систему мировых связей, безусловно, оказал огромное влияние на последующее развитие Русского государства. Это относится и к развитию системы таможенных отношений.

Зарождение таможенного дела берет начало в глубокой древности. На территории нашей страны, как можно предположить исходя из последних археологических и иных исследований, это произошло приблизительно в третьем веке до нашей эры. К этому периоду относится появление древних городов и государств. Напомним, что иноземцы называли Русь страну «тысячи городов».

Экономика к тому времени уже достигла такого уровня развития, когда происходит разделение труда в государствах и в межгосударственном масштабе. Появляются излишки производимого товара. На этой основе происходит обмен товаров, а затем и купля-продажа. Появляется особый слой людей – купцы. Логично, что возникают и определенные сборы за перевоз и проезд по территории, за место хранения и продажи товаров. Сначала это был фискальный сбор, который шел на пополнение

государственной или городской казны. Ближе к таможенному сбору была оплата, гарантирующая сохранность перевозимого товара по территории государства. Здесь уже прямая связь таможенного дела с финансами. Создавались специальные институты, которые занимались пополнением казны путем сбора торговых взносов на рынках, путях сообщения, пеших и водных. Сборы (пошлины) на привозимые товары всегда зависели от торговой конъюнктуры и от воли отдельных лиц.

Как мы увидим далее, последнее обстоятельство становится едва ли не первым в системе общественных отношений.

Сами таможенные отношения развивались отнюдь не поступательно. Зачастую логика их развития зависела от целого ряда факторов и событий. Как объективного, так и субъективного плана. Но всегда они являлись отражением духовной, политической и эко-

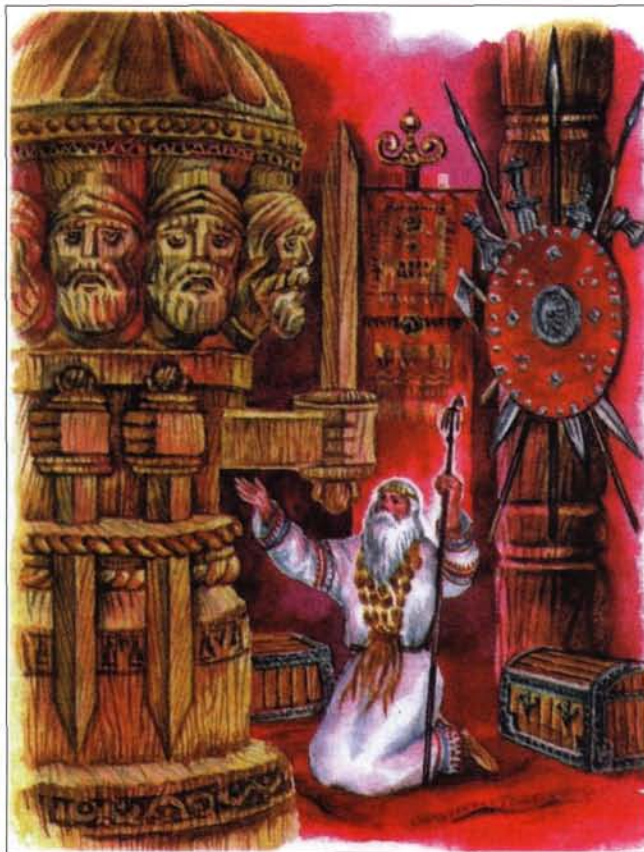

номической жизни. В своем роде – зеркалом истории. Поэтому в самой истории таможенного дела по определению нет мест незначительных. Как нет их в судьбе нашего государства. Но случались события выдающиеся, предопределившие развитие общественных и таможенных отношений на многие годы вперед. Одно из таких событий – возникновение Православия.

Обратимся к векам девятому и десятому. Проживавшие от Финского залива до берегов Черного (Русского) моря славяне вели оседлый образ жизни, занимались земледелием, ремеслами и торговлей. По Неве, Ловати, Днепру пролегал знаменитый путь из «варяг в греки». Были и другие торговые пути: по Днепру, Дону и Волге. На этих путях возникали города Новгород, Смоленск, Киев, Любеч, Чернигов, Волоколамск и другие. Славяне торговали с греками и вывозили хлеб, медь, воск, рабов.

Развивалась и торговля внутренняя, а значит, росло число торговых людей. Появились торговые пошлины, распространенным видом которых было мыто. Позднее, при Ярославе Мудром возникает и таможенное законодательство. Оно находит воплощение в «Русской правде» и других документах. Налаживается денежное дело. Начало этого знаменуется появлением монетных знаков в виде куска кожи или меха, затем – золотых и серебряных слитков. Фунт серебра стал называться гривной, полфунта – гривенником. Перерубленный пополам гривенник (четверть фунта) получил название рубль. В одиннадцатом веке чеканятся и первые русские монеты. Словом, таможенное дело успешно развивалось. И основным толчком к этому послужила христианизация Руси.

Развитие внешней и внутренней торговли благоприятствовало товарообмену. Однако существовал мощнейший сдерживающий фактор: Русь оставалась страной языческой. Это пугало и

настораживало иноземцев. Конечно, мы знаем о походах русских князей на Византию и о заключаемых ими договорах, но все это были лишь эпизоды. Необходимо было встать вровень со всем цивилизованным миром. Тем более, что Русь не уступала никому ни в смысле общественно-экономической формации, ни в развитии культуры, ремесла и военного дела. Необходимо было стать христианской страной.

Внезапное крещение Руси и стремительный расцвет государства произвели огромное впечатление в мире. Киев стали называть «украшением Востока». Все это не могло не сказаться на развитии таможенного дела в древнерусском государстве. Таким образом, рубеж десятого-одиннадцатого веков – это поворот не только в идеологической сфере. Это еще и качественно иные хозяйственные и, следовательно, таможенные отношения.

Но не все было так просто. Древняя Русь – не идиллическая картинка. Люди жили сложно, порой – очень тяжело. Иногда на протяжении одного или двух поколений происходили события, коренным образом изменяющие представле-

ние человека об окружающем мире. Язычество, веками создаваемое самим народом, не освящало элементы классового угнетения. Следовательно, бесследно исчезнуть не могло. Даже тогда, когда христианская религия стала государственной. Язычество, его влияние в той или иной форме мы ощущали и ощущаем на протяжении всей нашей истории. Нам следует помнить, что изначально сознание русского человека носило нерасчленимый, синкретический характер. Когда заходит речь о «загадочной русской душе», о нашей иррациональности, то часто упускается из виду, что наши далекие предки знавали не только ремесла.

Изучая родную историю, мы как бы видим лидеров державы, слышим их речи и обещания, забываемся в прекрасные по задумке законы, но вполне отчетливо понимаем тщетность попыток улучшения экономической ситуации. Мы начинаем подозревать, что эти люди сами не верят в то, что провозглашают. Так было, и так есть сейчас. Откуда это? Да все оттуда же – от человека древней Руси, резко повернутого на другие ориентиры. Раздвоение сознания? Да, оно присуще правителям Руси изначально. Присуще оно и правителям сильным и слабым, временщикам и самозванцам России. Присуще и великим реформаторам. Многие из них имели смелость обратиться внутрь себя, внутрь веков. Что представлялось их взору? Вернемся на тысячелетие назад.

Миф и форма его объективизации, обряд, – составляли суть сознания человека. Того, изначально. Это накладывало соответствующий отпечаток на решения русского человека, на его поступки. И так – на протяжении столетий. Несмотря на Христианство, на выработанные человечеством законы и правила поведения. Это же замечание, как ни парадоксально, можно в полной мере отнести и к особенностям становления и

развития таможенного дела Руси и России. Без этого не понять логику и закономерности процессов, происходивших на таможенном поле. Как прежде, так и теперь. Идеология таможенного дела, ее общие законы так и не определены, а ведь в этом и суть проблемы. Все исследования в этой области бесперспективны, если не обозначен общий вектор развития, взаимосвязи таможни и общества, их взаимовлияние и конечная цель. Поэтому, обозначая ключевые моменты в истории таможни, мы не имеем морального права не прикоснуться к тому, что, хотим мы или нет, составляет сердцевину Русской истории, отправную ее точку.

Учитывая вышесказанное, можем предположить, что таможня – это наша жизнь, обозначенная определенными символами, существовавшими издревле. Это – преломленное на генетическом уровне сознание целесообразности, выраженное в товарно-денежных отношениях. Или – зеркало той действительности, что нас окружает. А точнее – взаимопроницающий процесс, когда задано некое направление для купли-продажи, имеющее конечной целью максимальную пользу государству. Но само «зеркало» – не прямое отражение, а взгляд под определенным углом на ту, или иную проблему. На общий процесс истории. На наше местоположение в конкретном временном промежутке исторического развития нации или государства. С обязательной взаимосвязью, когда принятые волевые решения влияют на функционирование государства и общества. Точнее сказать, таможенные отношения – процесс внутри себя, изначально заданный и реагирующий на запросы времени. Реагирующий, исходя из соображений собственной целесообразности, ибо можно сменить идеологию, но нельзя исключить объективные процессы. Функционирование таможенных отношений – объективная реальность, корректировать которую – дело почти безнадежное. Оно само ищет смыслы. Помочь развитию системы – задача любого умного государства. Рецепт один: не мешать развитию, задав определенное направление, исходя из потребностей государства. Но

нужны обозначенные цели и приоритеты. Ясные и реальные.

Когда же государство напрямую не ставит задач перед таможней, то она, таможня, генерирует задачи и ставит цели самостоятельно. Порой – во вред себе и государству. Таможенные отношения связаны с отношениями общественными. А это всегда выбор. Именно так и происходило в нашей стране тысячелетие назад. Какую именно религию обозначить как общегосударственную – вот вопрос вопросов, стоявший тогда перед князем Владимиром. Время подтвердило правильный выбор. А случись иначе, избери князь Владимир для Руси иной духовный и общественный вектор? Можно долго размышлять и спорить на эту тему, но – важнее другое.

Выход Руси в сообщество цивилизованных государств инициировал развитие таможенных отношений. Можно только догадываться о мотивах, подтол-

кнувших жестокого и коварного «Владимира окаянного» на переход к общеевропейской религии. Но можно подойти к проблеме чисто практически, учитывая ментальность передового человека того времени: сближение с цивилизованным миром – вот что даст прогресс и процветание родине. И, даже в этом случае, сумма сопутствующих Крещению Руси обстоятельств – столь велика, что будет вызывать массу вопросов. Ответ на них суммирован нашими предками: «на то была воля Божья».

Но, в сущности, для понятия механизма таможенных отношений важно даже не это: получить дополнительные возможности и стимулы развития, таможенная система моментально отреагировала. Начала развиваться ускоренными темпами. Порой вне зависимости от воли» Сильных мира сего». Любая революционная идея, материализуясь, работает по

В.М. Васнецов. Крещение Руси. 1885–1896.

своим законам – это почти аксиома. Относительно такой поддающейся определенным экономическим законам сферы, как таможенные взаимоотношения, это – аксиома вдвойне. Нам остается лишь с благодарностью принять для дальнейшего осмысления опыт предков. Сделать соответствующие выводы и постараться избежать ошибок в будущем. И будем помнить: «странная система», называемая «таможней», обладает способностью саморазвития и обратного влияния. На законодателя. Общество. На каждого из нас. Отнесемся же к нашей истории в целом и таможне, в частности, с должным уважением. Пусть даже и не все принять, но постараться понять их – задача того, кто считает себя гражданином и патриотом. Для того и – нижеприведенные записки, обращенные к тем давним временам.

ЛЕТОПИСЕЦ

Из весеннего дня от Рождества Христова 1113 года входит в сумрак кельи человек. На плечах его клобук, в руках – книги, четки и ризы. Это монах, «чернец». При свете зажженной свечи видно, сколь скромно убранство кельи: лежанка, низенький столик. По всем углам – книги «обряженные», в переплетах, и тетради, сложенные вдвое и вчетверо. Все – на пергаментях, хорошо выделанных и выскобленных листах телячьей кожи. То, что должно быть обдуманно заранее, сверено с имеющимися текстами – все под рукой Летописца. Человек раскрывает тетрадь, вглядывается в текст: не уберет Господь – ошибка вкралась. Но то, где бес попутал, выскоблено будет перочинным ножиком. Этим же ножом можно заточить перо, обмакнуть его в чернила и исправить пометку. Вот так, положив тетрадь на колени. Присел у столика летописец. Задумался: может, стоит изменить и саму фразу?

«Я расскажу, откуда пошла земля Русская», – старательно и не-

спешно выводит буквы чернец, низко склонившись над списком пергамента. Буквы крупные, как и положено уставному письму. Слитой строкой, не разделяя слов, пишет монах. Зовут чернеца Нестором, лет ему чуть более пяти десятков. Уважаем и любим он братией Киево-Печерского монастыря. Да и не только ею. Все знают: большой подвиг уже много лет совершает брат Нестор – пишет историю Руси. Помогают русские монахи Нестору, чем могут: греческие и варяжские пергаменты приносят со всех мест

Ярославича – дай ему Бог долгие лета – Ростислав, храбрый и прямодушный князь. Однако в отличие от сводного брата своего Ростислава Владимир представляется Нестору человеком более дальновидным и образованным. Недаром князь Владимир пишет Поучение сыновьям своим, призывая их к благочестию, слезам и милостыне. Не забывает князь и о том, что должно самому следить за всем в доме своем, на тиунов не полагаться. А еще – жену любить, но не давать власти над собой. Да много еще чего разумного в поучении Владимира. Почерк ровный, властный – видно самим записано. Любы размышления князь Нестору. Ловит себя на мысли чернец, что с удовольствием ожидает прихода князя.

Не раз замечал Нестор, что мысль неожиданно делает странный поворот, унося душу его то к делам повседневным, а то и – на десятилетия и века, как во времена стародавние, так и в грядущие лета. Когда стал замечать за собой такую особенность Нестор, он уже и не мог точно вспомнить. Быть может, впервые случилось такое, когда семнадцатилетним отроком пришел он до святой обители. Или за чтением жития святых Печерских, что хранились в монастыре. Или – после того, как принял в двадцать лет постриг от игумена Стефана. Вот и сейчас переносится мысленным взором Нестор на столетие назад, к берегам варяжским. Почему так? Возможно, причиной тому варяжская сага, прочитанная накануне Нестором...

ВАРЯГИ

К острову Бренейяр, что в устье реки Гетаельв, подходили корабли с головами драконов. Здесь уже были «Бык океана», «Ворон ветра», «Вепрь» и другие славные имена, наводившие ужас на многих купцов. Но только не на него – купца из Кордовы Ибрагима ибн Якуба. Он-то умел ладить с кем угодно, учитывая специфику товара этого достойного подданного арабского халифата. Ибрагим был работником, а потому и радо-

В. М. Васнецов. Летописец Нестор. Акварель, 1919

и весел. Молятся за труд его праведный. Князья за честь считают хоть ненадолго оказаться в келье Нестора для благой беседы.

Вот и сегодня ожидается, что посетит Летописца князь Владимир Всеволодович Мономах, который видится Нестору наследником Киевского престола. Есть, конечно, еще один сын у князя Всеволода

вался обилию охочих до рабынь морских бродяг. Викинги с шумом и песнями сходили на сушу, разбивали шатры, слонялись от одного очага к другому, приветствуя тех, кого давно не видели. И немудрено: по закону конунги соседних земель собирались здесь не чаще, чем раз в три года. Чтобы «провозгласить мир», попить, поупражняться в ратном деле. Но и что не менее важно – на торг. Без торговли, как известно, немислима жизнь даже таких отчаянных разбойников, как викинги.

Ибрагим ибн Якуб знал, что воины – малая часть северного народа, хотя и самая уважаемая. Остальные, как это и принято в подлунном мире, занимались земледелием и ремеслами, пасли скот. А все это требовало рабов. Ибрагиму повезло: в землях данов и в Магдебурге он обзавелся товаром на очень выгодных условиях. Здесь рабы должны будут стоить гораздо дороже. Мысленно прикидывая будущий барыш, Ибрагим направился к шатру могущественнейшего из бондов.

– Приветствую тебя, конунг Хаскульд, – поклонился купец, входя в шатер.

– Займи место у моего очага, – викинг кивнул: он признал Ибрагима, что было знаком хорошим. Да и Камень Судьбы, Указатель счастья, перед входом в шатер – благоденствие был к мусульманину. И охрана – под толстый зад не дала.

– Как здоровье твое и детей твоих? – Ибрагим по обычаю был максимально вежлив, как и должно представителю просвещенного мира.

– Слава Одину, дети и жены мои во здравии пребывают. Усадьбы мои доход приносят, а корабли лучшие в северных морях, – упреждал все дальнейшие расспросы грозный конунг. Сам, однако, о делах Ибрагима не поинтересовался. Но Ибрагим не обижался: конунг расспросит его позже. Недаром род его велся от Эрика Рыжего, открывшего земли Исландии. Конунг унаследовал от великого предка не только копну огненных волос, но и пытливый ум. Сейчас разговор шел при соотечественниках конунга, а тут свои понятия: викинг выше слуги Аллаха.

Ибрагим не ошибся: позднее разговор такой состоялся. Удиви-

ло Ибрагима иное: слишком необычным был интерес конунга – восточные соседи викингов, русы. Впрочем, для почтенного купца и его соотечественников «русами» звались не только восточные славяне, о которых спрашивал конунг, но и остальные северные народы. И не напрасно: роднило их нечто варварское. Непостижимое рациональному уму жителя халифата. Но еще более удивил Ибрагима интерес конунга к торговым делам славян. Викинг и – торговля? Хотя тут можно было получить и свой интерес. За войском, идущим на битву, часто двигались купцы. Не собрался ли Хаскульд войной на восточных соседей? Как бы там ни было, а он, Ибрагим, к услугам конунга.

Когда Хаскульд вышел развлечься со своими людьми, Ибрагим указал ему на великолепный шатер в стороне от других палаток.

– Там один из богатейших людей по прозвищу Гилли Русский. Он тот, кто лучше всех расскажет тебе об этом странном народе.

Конунг кивнул и в сопровождении Ибрагима вошел в шатер.

В шатре сидел человек в одеянии из великолепной ткани и с русской шапкой на голове. Лицо его было мужественно, а глаза, не мигая, смотрели на гостей.

– Приветствую тебя, великий конунг. И тебя, достойный Ибрагим. Что привело вас в мое скромное жилище? Полагаю, торговый интерес?

Хаскульд окинул взглядом шатер и кивнул.

– У тебя, как я вижу, есть много того, чего бы мы охотно купили, Гилли Русский. Ты позволишь мне называть тебя так?

Русский купец пожал плечами.

– Под этим прозвищем я и известен. Так что интересуется тебя: меха, ткани, посуда?

Конунг покачал головой и подмигнул Ибрагиму: с тех пор, как русские земли приняли христианскую веру, торговля невольниками была у них не в чести.

– Есть ли у тебя рабыни на продажу?

Гилли усмехнулся и подошел к пологу, которым был перегорожен шатер.

– Вы думаете поставить меня в затруднительное положение, спрашивая о том, чего, как вы полагаете, у меня нет. Однако дело обстоит

не так, как вам кажется.

Тут Гилли приподнял полог, и Хаскульд с Ибрагимом увидели, что там сидели двенадцать женщин. Русский знаком дал понять, что конунг может пройти и присмотреться. Хаскульд не замедлил воспользоваться предложением.

Женщины сидели вдоль шатра, и Хаскульду было удобно рассмотреть всех. Внимание его привлекла бедно одетая женщина, сидящая у самой стены. Женщина была очень красива и молода. Она явно выделялась среди остальных красавиц.

– Сколько будет стоить эта женщина? – спросил конунг.

Русский не спешил с ответом. Сначала он рассказал, во что ему обошелся провоз женщин через русские земли, о величине пошлины за них. И только потом сказал.

– Ты должен будешь заплатить мне за нее три марки серебра.

– Но эта цена за трех рабынь, – подал голос Ибрагим.

– Действительно: ты ценишь эту рабыню слишком дорого, – кивнул конунг.

– В этом ты прав, – отвечал русский купец. – Выбери себе любую из остальных и заплати за нее одну марку. А эта пусть останется моей собственностью.

– Сначала я должен узнать, сколько серебра в моем кошельке. Пусть принесут весы, – сказал Хаскульд.

Конунг снял кошелек с пояса и взвесил его содержимое. Серебра оказалось ровно на три марки. Но русский купец продолжал удивлять.

– Я хочу, чтобы сделка была честной, конунг. По-моему, эта женщина немая. Много раз я пытался разными способами разговаривать ее, но не услышал от нее ни слова. Я даже стал размышлять, не взять ли мне ее в жены.

– Одной больше, одной меньше, – хмыкнул конунг. – У вашего князя Владимира, как я слыхал, их более восьмисот.

– Не считая гарема, – поддакнул Ибрагим. – Говорят, он ненасытен, как джин.

– У князя теперь только одна жена, Анна, – грозно сверкнул взглядом Гилли. – Я был с ним в походе, когда он шел завоевывать ее у Византии.

– Зато князь хитер и коварен,

– усмехнулся Ибрагим. – Не он ли убил брата, чтобы княжить в Киеве?

– Ярополка предал его же воевода Блуд. Он заманил его в шатер князя, а там уже ждали убийцы. Сам Владимир потом сказал: «Не я ведь начал убивать братьев, но он». Да и не любили киевляне Ярополка, – отвечал русский.

– А за что возлюбили Владимира? За то, что изгнал из города моих земляков, что пришли с ним воевать брата, не заплатив им за службу? Или за то, что принес в жертву своим богам отца и сына, соплеменников моих? – нахмурил брови конунг.

– Не суди поспешно, как говорят у нас, – снова отвечал русский. – Наемники стали бесчинства творить и заявляли: «наш это город». Тогда князь собрал свое войско, а варягам «указал путь в греки», внаем Византии. Да и приписал императору Василию: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам». Что же до жертвоприношения, так на них жребий указал, а не князь. Жалел о том Владимир. А кумиров деревянных повелел утопить в болоте. И не стало больше людских жертв.

– Да хоть бы и – так! – воскликнул мусульманин. – Бога твоего, жалкого еврея никто не видел! Ни один серьезный муж в глупость непорочного зачатия поверить не мог, как и в пришествие трупа, пахнувшего фиалками, в мир? Нет в мире таких свидетельств. Веруем во Христа. Но жид он и есть жид.

Да – нам, хозяевам вашим, то и не надобно, – отвечал князь. – Он, продаст.

За стенами палатки викинги упражнялись в любимом деле – метании боевых топоров. Возгласы и смех обозначали очередной успех или неудачу. Пару раз в шатер Гилли заглядывали приближенные конунга, как бы намекая, что пора и лучшему из лучших принять участие в забаве. Но Хаскульду было не до того.

– Удивительный вы народ, русы, – покачал головой конунг. – Правда, что ваш новый бог не разрешает вам иметь более одной жены? Правда ли, что народ ваш изменился несказанно после крещения?

Что для вас эта религия? Почему ваш конунг великий Владимир принял со всем народом именно христианство? Ответ: вижу, что ты близок к князю.

Вопросов возникло так много, что Хаскульд удивился сам себе. Но русский был человеком острого ума: так вот истинная причина посещения его конунгом. Разговор предстоял обстоятельный, и перед гостями появились угощения и напитки.

Вот о чем поведал русский купец конунгу. А главное – как воспринял его рассказ суровый викинг. И – как отнесся к этому повествованию один из умнейших людей своего времени купец из Кордовы Ибрагим.

Получалось так, что до конунга Владимира страной правили князья-завоеватели. Они смотрели на страну лишь как на стоянку, от которой надо было двигаться дальше и дальше, куда вели их насыщенные боги. Если до Владимира правители думали «о ратех», то он задумался «о строи землянем... и о уставе землянем». Это не означало, что Владимир не совершал походов: просто он никогда не оставался в завоеванных землях. Его путь всегда лежал назад – в Киев. Спокойная жизнь в городе была важной предпосылкой в задумках князя. Второй мыслью было объединение всех союзных племен – путем «уравнивания в правах». А значит – влияния жреческих групп. Короче, все племенные боги должны быть уравнианы в правах. Так, чтобы каждый приехавший в Киев, мог видеть, что его боги почитаются наравне с другими. Так в Киеве возник пантеон шести языческих богов, символизировавших основные картины мира – небо, землю, солнце и так далее. Разумеется, Одина среди них не было. Возглавлял эту группу великокняжеский бог Перун.

Дядя князя воевода Добрыня с удовольствием руководил возведением Перуна в центре пантеона: его племянник явно оправдывал чаяния и надежды Новгорода, разномыслящего и устремленного к неограниченной власти над богатейшей Русью. Недаром этот смысленный мальчишка, сын ключницы Малуши и киевского князя, был принят и обласкан теми, кто правил Новгородом Великим. Вла-

димира обучили не только ратному делу, но и наукам-языкам. Наступало время платить по счетам, а считать новгородские евреи умели хорошо. Потому и процветали на северо-западе Руси ремесла и торговля. Потому и людям простым жилось чуть лучше, чем их смердам-соседям. Что до богов, то новгородские правители относились к ним вполне рационально: может принести пользу – значит свой, годный к прославлению и употреблению. А Перун или кто иной... В конце-то концов, пришло время, и прежние кумиры были свергнуты. И руководил низложением языческих идолов все тот же бравый Добрыня. Настал час поклониться новому Божеству. Хорошо, что не Одину: этого двурогого боялись, отождествляя с грозными варягами.

Хаскульд усмехнулся про себя: и не зря опасались, торгоши... Ибрагим почесал бороду: а ведь и истинная мусульманская вера у них была бы в почете, так ведь – нет, а почему? Очень скоро он услышит ответ и на этот вопрос.

– Гилли Русский, а о чем бы ты хотел спросить эту немую? – спросил конунг.

– Она чем-то напомнила мне княгиню Анну, – прозвучал странный ответ Гилли.

Тут Хаскульд протянул кошелек с серебром русскому купцу.

– Гилли Русский, дело обстоит так, что наша сделка должна совершиться. Возьми серебро, а я возьму эту женщину. Я признаю, что в этой сделке ты вел себя, как следует мужу, потому что, очевидно, ты не хотел меня обмануть. Думаю, не солжешь, если расскажешь мне о женитьбе князя на византийской принцессе и о крещении.

«А ведь это, пожалуй, моя последняя сделка», – подумал про себя русский купец, но речь свою повел о другом. Его гости слушали его рассказ, не проронив ни слова.

ГРЕКИ

Летописец Нестор подумал: что бы мог Гилли рассказать викингу и мусульманину? Полезны подобные предположения пишущему. Получилось так.

– В год 985 пошел Владимир на болгар, а ладьи с дядею своим Добрыней привел на конях, и побе-

дил болгар, и сказал воевода князю странное слово. Вещее слово.

– Осмотрел пленных и колодников, все они в сапогах и дани не дадут. Пойдем, князь, поищем себе лапотников. Эти дадут: они – не народ. Гадость эту надо сразу приручить, на века. Вот тогда боги о тебе вспомнят.

– Кто о таком так судит?

– Греки, коих сам не люблю, князь, но за ними сила, ибо грамоте обучены.

– Не все, что идет от греков, для нас благо, – говорили воевода Хвост и другие.

Но думы Владимира были об ином: ну, на то он и князь, чтобы шире мыслить.

– Есть ли бог такой мощи, что гадкий любой и великий любой народ окормит?

– Ищите, да обряцете, как бабка твоя сказывала, – Добрыня произнес. – Мир с болгарами заключай, возвращайся в Киев, а там – как сложится...

За мурлыканьем этим была многолетняя жажда Новгорода к деньгам, власти. А власть через торговлю должна была прийти, широкую и свободную. Но как удачно дела вести, когда многие косятся на язычников. А еще – киевские и иные земли подмять под себя надобно. А мысль, конечно, главная – от греков тянулась: с ними Новгород давно дела вел к взаимной выгоде. Словом, в большое сражение вступили. И пусть было оно внешне мирным, но и тут свои крепости, коих с наскака не взять, имелись: вольнолюбив народ и к кумирам деревянным слишком привязан. Да и князь упрям и себе на уме. Впрочем, для большого дела такой и нужен. В конечном счете, получилось то, что получилось, придав народу Руси новые смыслы.

Рабами стали русы на века и тысячелетия и счастье от того получили великое. Ибо «рабами божьими» стали, но тут – кому и как судить: что есть рабство?

Но поначалу не гладко складывалось: в год 986-й пришли на Киев болгары веры мусульманской. В халатах, словно жены, с мальчиками и девочками для утех.

– Ты, Князь, мудр, но веры не знаешь. Уверуй в закон наш, и поклонится твой несчастный народ Магомеду, и через пророка власте-

лином станешь. А все потому, что крайнюю плоть любого сможешь обрезать, свинины не есть, вина не пить, а после смерти блуд с женами можешь творить любой, хоть туда, хоть сюда, как мы.

– Экая невидаль: туда-сюда копье втыкать, всяко по голодухе случалось, – молвил Добрыня. – А каков нам торговый интерес?

– Оно – так, – подтвердил князь. – Да и на Руси: «пиити – веселым быти».

– Да не понял ты, князь: из семидесяти жен, полученных на небесах, с любой блудить сможешь! – увещевали болгары. Вот невидаль: их у князя и тут навалом.

«В отхожее место мудрецов этих», – так князь решил про себя. На словах же – обдумать вопрос обещал: блуд был ему очень люб, но дело всегда на месте первом.

А еще мусульмане от иудейской веры предостерегли, будто князь только и грезил, что пасть в объятия этих «пожирателей людей и скотов в человеческом облике».

– Говорят иудеи, что придет их Мессия и все богатства мира между ними одними разделит. А на щедрость их не надейся, – с теми «мудрыми» словами и удалились.

Потом из Рима пришли. Умные и обходительные пророки. Вот их речь.

– Земля твоя похожа на нашу землю, но вера истинная у нас, и она – свет. А ваши истуканы – просто дерево. Не сочти, князь, за дерзость, но за истину прими.

– А в чем нам выгода от вашей веры? – Добрыня подмигнул князю. – Ну, у нас – деревьяшки, не в пример вашим создателям неба и звезд. Так что ж из того?

– Пост держим: если кто пьет и ест – все во славу Божью, – отвечали те. – Но лучше всего Бог благоволит к богатым. Собери вокруг себя с десяток самых богатых. Сам прикинься защитником обездленных, божественным покрывалом прикройся, и правь тупым людом, сколь душе угодно будет. Чем не вершина всего?

– Идите, откуда пришли, – отмахнулся Владимир. – Не приняли наши отцы этого.

Знал Владимир, о чем говорил: с легкой руки бабушки знаком был с иными верованиями. Да и воспитатель его, Добрыня, времени не терял: кого угодно мог отпра-

вить «по месту жительства». Особо не жаловал Папу Римского, которого считал пораженным болезнью, от блуда происходящей. Впрочем, и сам страдал от схожих симптомов, ну да – с воина какой спрос: его дело «не рожать, а бежать».

Более умными оказались хазарские послы, что учли ошибки предыдущих «ходоков». Но по наивности своей еврейской не рассчитали, кто пред ними.

– Обрезаться, не есть свинок и хранить субботу – вот и путь к Богу, которого зовем Авраамом, Исааком и Иаковым, – провозгласили хазары. – Земель у тебя, князь, много, да воеводы твои вороваты, мы сможем помочь. Правда, рассердился на нас Бог наш и рассеял по разным землям. А здесь, у тебя, приживемся. Да и наш ты по крови, по матушке твоей, договоримся ведь? Народ твой жить хорошо научим.

– Трехголовый божок их больно чуден, страшной богини смерти нашей Мары, – хмыкнул Добрыня. – Да и как они других могут учить, коль самих по земле рассеял бог?

– Верно, – кивнул князь. – Может, и нам того же хотите?

– А хоть бы и так? – отвечали хазары. – Смертен ты: ешь, испражняйся и наслаждайся, пока в силах. А мы поможем, опыт большой имеем. Да и за кого радеешь, князь? Ты на народ свой здраво взгляни: ему бы только брюхо набить, да бабу на сеновале завалить. А еще – тебя обокрасть, «чего мы не допустим».

И здесь Владимир мудрость проявил: подумав обещал, все взвесить. Мол, во хмелю истина отыщется: русский был этот «конунг» по сути.

А Враг рода человеческого, которого изгнали из стран христианских, довольно потирал лапы, прислушиваясь к сим беседам: не договоритесь никогда, моими будете. Такое привиделось князю после пира с обильными возлияниями. Проснулся князь, на силу отплевываясь, квасу приказал принести: надо же такую рожу с рогами узреть.

Когда «хмель стал тонуть», прислали греки философа лучшего со словами.

– Скверна все, сказанное до нас болгарами, сам убедись, князь. Лю-

Осада Корсуня (Херсонеса) войском князя Владимира. Миниатюра из Радзивилловской летописи. 13 век

дей своих в земли наши направь, Пусть убедятся, сколь великолепны наши храмы, величественны службы в них и могущественна вера. От римской веры немногим отличается, но более честная она и красивая. Пусть услышат люди твои пение церковное и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и клир увидят.

Тогда собрал князь мужей умных числом десять и сказал им.

– Идите к болгарам, испытайте веру их. К немцам идите, а потом в землю Греческую. Расскажите, где службы в храмах красивей и достойней.

Исполнили мужи повеление князя. По возвращении доложили перед дружиною.

– Ходили к болгарам: смрад один там и нет веселья. К немцам ходили: и там нет красоты никакой в храмах. А в Царьград пришли, словно в красоту невиданную окунулись. Не можем после такого пребывать в язычестве.

А бояре тем временем дары греческие рассматривали, кивали одобрительно.

– Если бы плох был закон греческий, князь, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а она была мудрейшей женщиной. Крести нас, где тебе любо.

Но не все так просто: сперва с

Царьградом надо было дела уладить. Тот как раз военной помощи запросил. Киев помог, а все чуть войной не закончилось.

Подошел в 988-м году Владимир на Корсунь, город греческий, Так встал он там.

Спросите: чего искал? Да – награду, обещанную греками. Молоденькую, красоты невиданной, ладаном и мускусом пахнущую, сестру царствующих особ.

Да, обещали Владимиру кесари в обмен на спокойствие свое, гарантированное Киевом, чудопринцессу. И Владимир врагов цезаря разбил. И – что?.. Обманули греческие правители. Пришлось гордому Владимиру крепость осадить, измором греков взять. Досталось тогда царям Василию и Константину упрашивать сестру свою Анну отправиться к Владимиру. Однако условие хитрецы поставили.

– Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, Анну получишь. А с ней и царство небесное. Что может быть больше для смертного?

Когда же приплыла в Корсунь Анна, Владимир разболелся глазами и не видел ничего. Пожалела гречанка князя, ибо не таким лютого врага представляла.

– Хочешь избавиться от болез-

ни, крестись скорей. И пусть никакие еретики не прельстят тебя.

Крестился князь, а, вышедши из купели, усмехнулся по-доброму: «Наконец познал я бога истинного». Может, слова бабки вспомнил, может – еще почему...

А как царица юная сказала, так и случилось: зрение Владимиру вернулось. Увидел князь невесту свою и полюбил ее искренне и на всю жизнь. А после венчания взял окрещенный князь с собой в Киев жену молодую, священников корсунских с мощами святых Климента и Фива, иконы и сосуды церковные. А город оставил новым родственникам, царям Василию и Константину.

По прибытии же на Русь собрал князь на берегу Днепра людей без числа. Вошли они в воду и стояли там: кто по шею, кто по грудь. А дьявол стenal страшно: «Увы, мне! Прогоняют отсюда навсегда!»

И приказал князь рубить церкви там, где прежде кумиры стояли. А детей собирать начал и отдавать их в учение книжное. И сбылось пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных».

КНЯЗЬ

Два человека шли по стольному Киеву.

– Вот так и в жизни бывает: после зимы-угасания вновь весна-возрождение грядет, а там и летняя пора цветения, – говорил старший собеседник младшему. – А здесь – Перунова заводь, куда сволокли могучего некогда кумира крещеные люди.

Место жутковатым младшему показалось, и перевел он разговор на лад веселый.

– Дважды туры поднимали меня на рога вместе с конем. Олень меня бодал. А из двух лосей один ногами топтал, а другой рогами пырлял. Вепрь у меня с бедра меч сорвал. Медведь возле моего колена потник прокусил. Лютый зверь сзади на меня вскочил и с конем повалил. А, между тем, жив и здоров я и – перед тобой, Нестор чернец. Что за сила меня сберегла: умение мое, или свыше нечто?

– Когда ты первый поход совершил, князь?

– Отроком тринадцати лет, досточтимый.

– Неужели, до сих пор не осознал планиду свою, князь Василий? Не верю, нет.

Летописец обращался к князю по имени, данному тому в крещении, а потому молодой собеседник намек монаха уловил. Некрасивое лицо князя Владимира Мономаха передернулось, придав ему вид страшный, но любимый подданными. Голос дрогнул. Задрожал. Приобрел обычное стальное звучание без «аканья».

– Не осуждай меня, монах. Не хвалю ни себя, ни смелости своей не хвалю. Но Бога единого хвалю и прославляю за то, что создал меня для дела годного. Но сомнения гнездятся в душе моей, ибо чую, что в Киеве мне сидеть и за народ свой радеть.

– Себе ответь, князь: народа ли боишься, или ответственности, Богданной?

– Всего страшусь, монах. Особенно народа, что еще во многом в язычестве пребывает. Бунты – то здесь, то – там. Дани платить не хотят. Как державу ваять?

– Создавай все по промыслу Божьему, князь, ибо нет иного пути у правителя. Но вспомни, как со смертью Олега распался союз племен славянских. Игорь силой оружия восстановить его пытался. И убит был Игорь в походе на древлян. За повторной данью пошел, а имел ли право на ту дань? Но жена его Ольга, при малолетнем Святославе, мстью озарилась вместо мира и правды. Повинности и дани от племен разрешены здраво были, власть укрепили, но была ли тут истина? А повзрослевший Святослав – пытался ли решать дела по правде? Каганат разбил, до гор Кавказа дошел, на Византию двинулся и погиб в сражении с печенегами, коих византийцы о пути князя на родину предупредили. И кровь братская полилась за наследство Святослава. Более всех в жестокостях Владимир преуспел. Но, крестив народ, все искупил.

– Не за тем ли ты рассказал мне историю викингов и Гилли Русского, объяснившего преобразование народа после крещения, летописец Нестор? Принизить род наш захотел, опорочить? Или наоборот – возвысить?

– Предостеречь, князь, хочу. И – только. Владимир был первым, кто отказался от огня и меча во имя

объединения. Потому и Иисуса познали русские люди. Хотя, сказать по правде, поначалу более жестокого бога вряд ли кто знал. Ибо сказано им было: «с мечом пришел к вам». Но в тоже время и – такого справедливого, доброго Бога не знали несчастные народы. Да не гляди на меня так: самому многие истины не открыты, кроме одной, пожалуй. Каждый, кто приезжал в Киев, видел: новое «право» зародилось на Руси. И уходил страх, что черной волной покрывал государство, с Русью соприкасавшиеся. Арабы, болгары, Византия – тряслись прежде перед руссами, но только сами мы не боялись никого.

– Так почему же, монах, сейчас мы боимся? Владимир первым стал чеканить монету свою, торговлю отладил и сборы с торговых людей. Столько лет прошло, а мы все сомневаемся: а не приведет ли все это к новым войнам? А приведет, что ж в том плохого? Еще Владимира Святой заметил: «Будет дружина, станем не деревянными ложками есть, а серебряными, на золотой посуде.»

– Тебе судить, на то ты и князь.

– Слишком велико сомнение. Византийские попы свою линию гнут, понятия, что даже в язычестве более справедливы были, насадить пытаются. Волнуется народ. Многие до сих пор креститься не хотят, в леса бегут, отсюда – разбой. Заставы укрепил, чтобы лучше дань подорожную с купцов получать, но те обмануть норовят и заставы обойти. Мечом их учить, другим для примера, или плети достаточно?

– Так Владимир тот и другое делал: учреждения новые творил и повинности, посылал людей города и церкви строить. Виру за убийство ввел, что церкви противоречило, но и отменил сей закон, поняв, что казна страдает. И дружинники верные имелись для сбора дани и податей, не варяги – русские. Заходи, много чего про времена те порасскажу. Может, полезное для себя и отыщешь.

Взглянул на чернеца князь, задумался глубоко, кудрями потрянул.

– А чем закончилась история та про русского купца в северных землях?

Улыбнулся летописец так, как один улыбаться умел – одними глазами.

Святой равноапостольный князь Владимир Святославович (Владимир Мономах)

– А конец любой истории в ее начале. Если у истории вообще бывает конец.

ПОСЛЕДНЯЯ И ПЕРВАЯ

Вскоре после этого разговора не стало летописца, вполне исполнившего свое земное назначение в попытке осмыслить, «откуда пошла земля Русская». Исполнил предназначение свое и Владимир Мономах, пытавшийся понять, куда земля эта движется, ибо ничего неподвижного в природе не существует. По-своему, конечно: через походы, скажем, которых числом восемьдесят три было. Половцев плотно прижал князь, оберегая вверенные земли. А получил он власть лета 1113, когда напуганные бунтами и волнениями смердов серьезные мужи на вече посадили его на княжеский стол. Старался князь следовать законам правды, которую мы привыкли именовать «русской». Как будто на Руси могла быть некая своя правда.

Что же до остальных героев этой повести, то и они по-своему исполнили земное предназначение. Крестителя Руси Владимира в былинах и легендах народ назвал «Красным солнышком». А это уже – серьезней некуда, само за себя говорит.

Гилли по прозвищу «русский» оставил работорговлю и записался в дружину княжескую. Оборонял державу, строил новую жизнь по

Христианским понятиям. До чина воеводы дослужился. Наступали иные времена и отношения между людьми.

Конунг Хаскульд, совершив пару набегов на русские земли, решил, что лучше самому торговать с Русью, чем грабить ее купцов и нищих смердов. И первая же его попытка торговать с Русью закончилась удивительно, но вполне в духе времени.

С караваном подошел Хаскульд к Новгородским землям. Товар был – лучше некуда: изъял его конунг у купца Ибрагима. Встретив того в землях ничьих. Отобрав в бою кратком и не очень кровавом все товары. По закону викингов все было справедливо: на этой территории я тебе не хозяин, потому отдай все, коли бой проиграл. Однако Хаскульд Ибрагиму ибн Якубу жизнь сохранил, что уже было поступком, достойным великого конунга. Зато, мол, в рай пролезешь, купец, нищ и наг, как вера твоя учит. Не совсем так Аллах учил, но так уж викинг понял.

Короче, на рассвете окружили шатры Хаскульда суровые воины, возникшие, словно тролли, из чащ русских. Подать, мол, плати, чужеземец, ты на Руси.

– Так я в первый раз с миром к вам иду, – удивился конунг. – Не будет дани!

Бой завязался. Хороши русы, но викинги – на то и дети Одина, чтобы побеждать.

– Веди меня к конунгу своему, – сказал Хаскульд последнему из живых руссов Кию.

Привел окровавленный дружинник Кий конунга к шатру своего воеводы. Из шатра вышел воин с мечом, но света не видящий. Узнал в воеводе конунг того, что прежде знал, как Гилли. Из-за спины русса выглядывала плешивая голова тиуна.

– Со мной людей числом десять, Гилли, а кто с тобой, кроме плешивого уродца?

– За мной князь Владимир, а над ним Христос, господарь наш, – отвечал воевода. – Не пройдешь в наши земли без дани, таков закон наш теперь.

– Что с глазами твоими, Гилли? – спросил такой стойкостью удивленный викинг.

– Бога, видно, не в полной мере почитал, – отвечал воевода. – Сдаешься ли?

– Если обещаешь праведный суд по законам вашим, сдаюсь, – ответил викинг. – А, если пойму, что несправеден суд, избегну кары с помощью Одина, ибо он есть бог.

Тиун княжеский варяга за убийство русских «таможенников» приговорил так.

– «Вирнику взятии 7 ведер солону на неделю, же оветь, любо полоть. Любо 2 ногате. А в среду куна же куна же сырь, а в пятницу тако же. А курей по двору ему на день 7, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороху 7 уборков, а соли 7 голважень. То есть вирнику со откормь. А кони 4, комень на роти сути овесь, вирнику 8 гривен, а 10 кунь перекладная, а метельнику, 12 векшии, а съссадная гривна. Аже будет вира, а будет она, во 80 гривен, то вирнику 16 гривен и 10 кунь и 12 векшии, а съссадная гривна. А за голову 3 гривны».

– Так речь идет о содержании не державы вашей, а на вирника, князем присланного, – ответил викинг. – Прежде у вас общинный справедливый суд был. На наш похожий. Говорите, что веру правильную взяли вы, а не вижу того. Как так? Я – глуп, или вы весь свет морочите?

– Все от князя идет, – вмешался Гилли. – Тиун это глас его, то есть Божий глас.

– Так послушай, тиун: вины моей нет, торговать шел, у ратника спроси вашего. Напали на меня воины ваши, не объяснив толком законов и понятий ваших.

Тиун взглянул недобро на воеводу, но викингу ответил.

– Холоп на суде свидетелем быть не может. А дружинник – холоп, и у викингов – разве не так? А, коли так, то на суде, если достойного тебе по имуществу нет, то полагаться следует на тиуна княжеского, значит – на меня. А, что до воеводы, то он на стычке вашей не присутствовал. Станешь платить?

– Удобно и правильно, буду платить, – кивнул викинг. – Хотя и не обижайся: от таких, как ты, тиунов, Русь ваша и сгинет. Сосете без меры, а то – кровь есть.

Воевода подошел к конунгу неожиданно ровным шагом: пошли, мол.

– Гилли, да ты прозрел? – удивлен был викинг более всего этим. – Как так?

– Долг свой перед Господом верно узрел и исполнил, – кротко ответил воевода.

– Странен ваш бог, но всем имущим и сильным от мира сего вполне удобен, – кивнул конунг. – Позволь же и мне исполнить свои людские обязательства.

При этом ввел русского в свой шатер, где богатства разного много было.

– Взял все это по праву сильного, Гилли, а теперь и ты возьми, чего хочешь: не по праву сильного, или как посредник перед гнилым тиуном, а – по сердцу.

– Нет, Хаскульд, не возьму ничего. Скажи лучше: что стало с той немой рабыней, что когда-то продал тебе за три марки?

– Собираюсь сделать ее последней женой своей. А что она для тебя, русский?

– Могла бы она стать первой моей женой во Христе, конунг.

– Да будет так, – кивнул викинг и хлопнул в ладоши. – Первая и последняя.

Из-за занавеси, что перегородивала шатер, появилась дева красоты такой необыкновенной, что только на Руси встречается. Гилли узнал немую рабыню. И многое оба достойных мужа увидели во взгляде ее. И вышел викинг из шатра.

И вечером тем сидел задумчиво Хаскульд у костра. Подумалось почему-то: хорошо, что он Ибрагим из Кордовы жизнь сохранил. Только – где сейчас этот мусульманин? Что бы сказал его бог по поводу того, что происходит сейчас с гордым потомком викингов в русских землях? Как бы сам Ибрагим отреагировал на поступки людей иной веры, но все-таки людей из плоти и крови? Нет, не ему быть третьей судьей, одного тиуна сегодня уже видели. А ведь этот русский воин искренне уверен, что подчиняясь тиунам, он истинно служит своему распятому богу. Нет. Великий Один бросил бы все это племя убогих руссов в подземелья троллей, ибо сами они и есть тролли и гномы. Пусть там

плодятся и размножаются, а потомками их можно будет пугать детей и внуков. Ведь выползут же они когда-то из пещер своих и начнут расползаться по миру. Но пока не расползлись, надлежит детям Одина душить и давить их в тех лесистых и болотистых пущах, где они первым делом объявятся, здесь – куда судьба и его занесла. Вот смысл жизни для грядущих поколений – война с чудовищами Руси. А чудовища будут так же неизбежно, как будут на Руси холопы и тиуны. Глупый и честный, Гилли, знал бы ты, что уготовано потомкам твоим. Самим же тобой.

– «А как все просто: все эти тиуны всегда будут ссылаться на волю свыше, а дело делать истинно для живота своего, – подумалось вдруг викингу. – Хорошо, что мы пока на грешной земле и сами свои личные суды судить можем».

Но неведанная доселе боль вдруг пронзила викинга: что, почему, зачем?

Конунг краем глаза успел заметить только одно: в сумраке мелькнула тень ратника, очень похожего на дружинника Кия. Дружинник с чувством исполненного долга вытирал обгаренный кровью кинжал. А потом – мир стал стремительно меркнуть, устремляя душу викинга туда, где он еще не был. И уж, конечно, благородный Хаскульд не мог видеть довольной улыбки тиуна, бросившего кошель серебра к ногам дружинника. И уж тем более – не дано ему было проникнуть в мрачные мысли русского кровососа. Хотя – самому тиуну они казались иными.

– «Наша это земля, викинг, и никому отныне не позволим лапать ее, как лапают рабынь ваших. Не деньги ваши нам, хозяевам истинным Руси, надобны. Единого хотим: спокойной и сытой жизни для себя и потомков наших. Ибо в иных землях нет нам места. Раскусят нас там, как ты раскусил. А вот приезжать к вам, чтобы от души гадить на места для вас святые, станем. Так и передай это, чужеземец, всем тебе подобным. Умершим. Еще не родившимся. А вы нам руки целовать станете, ибо за нами богатства наши к вам потянутся. И начхать нам с наших колоколен на ваше к нам презрение, ибо это не презрение ваше

будет, а наша мерзость, которой на наших просторах тесно станет. Ну, да мы – каяться после грехов наших вполне научимся. Вам не в пример – удержу ни в чем не знаем: ни в разбое, ни в покаянии. Наплачетесь еще с нами, веселыми».

А вокруг была ночь такая, какие только на Руси известны, сказочная ночь.

А беспокойный купец из Кордовы Ибрагим ибн Якуб исколесил немало дорог. Следы его теряются на середине пути, который называли «шелковым». И не удивительно: целые государства и народы затерялись в песках истории.

Но тогда вопрос: а вдруг летописец ошибся, и бывает так, что все кончается? Даже такие цивилизации, как Русь, ведь от иных не осталось даже памяти. А мы, следуя абстрактной «русской правде», всегда топчемся по одной нам ведомой «русской» дороге. А знаем ли истинный «русский путь», или хотя бы – где его искать? Сдается, – не очень знаем. А может, просто не хотим знать? Ведь повелось в отечестве нашем с давних пор, что меньшинство умнее «прочего» народа, которому даже удобно быть стадом. А тогда – в какой мере можем народом считаться мы, что бросаемся «из огня да в полымя»? Мы, вместо того, чтобы просто жить, мечемся-мечемся. И все ждем, что попадется на дороге волшебный камень с указателем к лучшей жизни. В ту страну сказочную, где закон для всех един и всем комфортно, без надрыва, живется. И где-то на краю обрыва над бездонной пропастью, возможно, такой камень и притаился. Но широка пропасть. Не перескочить, пожалуй. Страшно. Возможно и в самом деле – так. Но тогда, подобно нашим предкам, впору осенить себя крестным знаменем и попросить у Господа прощения за мысли свои и за все слабости свои. Создатель справедлив и великодушен: простит, если услышит.

Александр Матвеев,
историк, писатель,
драматург театра и кино,
член Союза писателей Москвы
и России